

Империя Астория опиралась на два рыцарских ордена: Белого Льва и Чёрного Волка, верных защитников императорской семьи. Рохан Лансонфри, старший сын рода, возглавляющего Рыцарей Белого Льва, с первой встречи на имперском турнире по фехтованию в четырнадцать лет возненавидел Дарена Хелладора. Его бесило мастерство Дарена в обращении с мечом, несмотря на его простое происхождение.

Рохан, надменный и жестокий, и Дарен, честный и добросердечный, с самого детства испытывали взаимную неприязнь. Наблюдать, как Рохан издевается над Дареном, было невыносимо: он ранил его щеку клинком на турнире, унижал и оскорблял на светских собраниях, осыпал бесконечными насмешками. Став рыцарем, Рохан превратился в кровожадного монстра, безжалостно уничтожая врагов и мучая пленных.

Но, как ни странно, у всякого найдутся поклонники. Рохан Лансонфри стал кумиром тех, кто обожал садистичных персонажей. Хэджу, однако, не понимал, как можно восхищаться злодеями. В реальной жизни и без того хватает подлецов — зачем искать их в играх? Рохана он ненавидел особенно сильно, ведь Дарен Хелладор был ему по-настоящему дорог.

Рохан становился особенно грозным в «истинных» финалах игры — «Императорском» и «Финале супруга принцессы». Как финальный босс этих концовок, он вставал на пути Дарена и вызывал его на дуэль. Его характеристики были невероятно высокими. Хотя битва с императором Пармом Редиссием тоже была нелёгкой, схватка с Роханом оказалась настоящим испытанием. Используя всевозможные уловки, он беспощадно атаковал Дарена, заставляя Хэджу десятки раз умирать в игре на пороге заветного финала.

Момент, когда Дарен падал, истекал кровью, у ног Рохана... Иллюстрация, где Рохан с самодовольной улыбкой смотрел за пределы экрана... Это надменное лицо бесило.

Хэджу откинулся на спинку стула, устремив взгляд в потолок. Игровой мир, в который он погрузился, казался реальнее тусклой действительности. Игра была завершена, все финалы покорены. Размышляя, чем бы занять себя дальше, он услышал голос Йены:

— Я проголодалась, не ужинала сегодня.

— Может, закажем доставку, когда офицер Ким вернётся? — предложил Хэджу.

— Опять молодёжь веселится без меня, — добродушно проворчал начальник, незаметно проснувшийся.

Хэджу и Йена вздрогнули и одновременно обернулись к нему.

— Да ладно, шеф, вас дома жена ждёт, пора бы и честь знать, — поддразнила Йена.

В этот момент рация на столе начальника ожила:

— Это район академий Чхольбокдон, запрашиваем подкрепление. Участие несовершеннолетних в незаконном обороте наркотических средств. Ведем погоню. Повторяю... Чхольбокдон, Чхольбокдон. Ведем погоню. Запрашиваем подкрепление.

Все в комнате, включая Хэджу, замерли, не веря своим ушам.

— Наркоторговцы? — переспросил Хэджу, первым придя в себя. — Это что, серьёзно? Не помехи?

— Не помехи, это голос офицера Кима! — воскликнул побледневший начальник. — Я останусь на посту, а вы все — в Чхольбокдон!

Хотя новости то и дело сообщали о росте числа наркопреступлений в Корее, Хэджу и представить не мог, что это станет его заботой. Йена цокнула языком:

— Детишки, вместо учёбы, торгуют наркотиками? До чего катится мир? Офицер Чхве, лови!

Она бросила ему ключи от машины. Йена была лишена водительских прав после неоднократных нарушений, когда гонялась за незаконно припаркованными машинами. Хэджу, всё ещё ошеломлённый, пробормотал:

— Кто бы мог подумать, что моим первым арестом будут такие вот подростки.

Йена, распаляясь, повысила голос:

— Камеры повсюду, а они совсем с ума сошли. Как Ким их вообще их еще не сцапал?

День, когда Хэджу завершил За Императора, стал его последним днём на дежурстве.

□ □ □

Чхве Хэджу вёл патрульную машину в район академий, откуда поступил запрос о подкреплении. Йена нетерпеливо постучала по его плечу:

— Эй, офицер Чхве, смотри! Это не они?

В ночной темноте района академий мелькала группа подростков, явно напуганных, за которыми гнались несколько взрослых в штатском и офицер Ким.

— Похоже на то! Сейчас сверну туда, — ответил Хэджу.

Он мысленно прикинул план района, который патрулировал ежедневно, вспоминая переулки, где могли спрятаться беглецы, и резко повернул руль. Хэджу и Йена выпрыгнули из машины и бросились к подросткам. Полдюжины ребят, удиравших от полиции, замерли, увидев перед собой Хэджу и Йену. На миг они заколебались, а затем, словно по команде, разбежались в разные стороны.

Они ловко перелезали через ограждения и проскальзывали в щели жилых кварталов, исчезая в ночи. Хэджу и Йена заметили, как их коллеги повернули направо, и бросились в противоположный переулок. Это было больше похоже на загон дикого зверя, чем на погоню за людьми.

— Офицер Ли, обойди сбоку! — крикнул Хэджу.

— Осторожно! — откликнулась Йена.

Хэджу доверял её ловкости. Мечта Йены о вступлении в спецназ после пары-тройки лет службы не была пустыми словами. Она двигалась по городу, как хищник, перемахивая через стены и пересекая улицы. Хэджу, восхищаясь её проворством, гнал подростков прямо к ней.

В темноте Йена внезапно вынырнула из тени и сбила одного из беглецов ударом колена в спину.

— Ааа! — закричал парень, рухнув на землю.

Он отчаянно сопротивлялся, но Йена крепко держала его за руки, не давая шанса вырваться.

— Эй! Отпусти! Я второй в классе в автономной школе Гунджон! Полиция не имеет права бить людей! Я расскажу папе! Я подам на вас в суд! Отпусти! Это превышение полномочий! Ребята, где ваш телефон? Снимайте всё! Эй!

— Сам сказал, расскажем твоему папе. Покажем ему, как развлекается его сын-второклассник. Где ты взял наркотики? В интернете? У нас всё записано на нагрудную камеру. Покажем папе как есть. Но... офицер Чхве, наручники на него надевать?

Хэджу вздохнул, глядя на жалкое состояние подростка.

— Да ладно... он же ребёнок. Повезём его как есть.

— Офицер Чхве, сзади!

Хэджу обернулся и увидел ещё одного подростка. Тот, заметив арест друга, побледнел и покрылся испариной. Он уже собирался бежать, но их взгляды встретились. Под светом фонаря тёмные глаза мальчика слабо мерцали. В них читались страх, растерянность, сожаление и гнев. Этот взгляд словно ослепил Хэджу, заставив его почувствовать себя загнанным зверем, будто он сам оказался под прицелом.

«Нет, не сейчас. Что я делаю, веду себя как глупец? Нельзя сейчас. Мне страшно», — мысленно отчитал себя Хэджу, но эмоции и старые травмы нахлынули непрошено. Он ненавидел, ощущение чьего-то пристального взгляда. Это пугало. Голоса, мимика — всё это вызывало дискомфорт, но ничто не страшило так, как чужой взгляд. В нём таилось столько историй...

Люди — социальные существа, эволюционировавшие, чтобы читать невербальные сигналы: взгляды, интонации, выражения лиц. У Хэджу эти чувства были обострены до предела, словно высокочувствительный приёмник, улавливающий все частоты и постоянно сбивший, не в силах настроиться на нужную волну.

Социальный работник, которая консультировала Хэджу с детства, однажды сказала:

— Те, кто тебя воспитывал в детстве, были неполноценными взрослыми. Они были плохими людьми, правда? Знаешь, что делают дети, чтобы выжить рядом с такими? Они учатся замечать знаки. Стараются угодить. Ты тоже так делал, стараясь угодить учителям, чтобы избежать наказания.

Социальный работник посмотрела на Хэджу с задумчивой и сочувствующей теплотой.

— Но самое печальное, что дети учатся особенно быстро. Они впитывают и хорошее, и плохое, и помнят это надолго. То, что ты так остро чувствуешь взгляды и интонации, — это привычка, которую маленький Хэджу оттачивал, чтобы выжить среди жестокости взрослых. Я знаю, что эти привычки тебе больше не нужны, и оттого они причиняют дискомфорт. Но не вини Чхве Хэджу, который так старался защитить себя.

Хэджу доверял ей, как родной, но считал её слова ложью. Привычки, въевшиеся в тело, бесполезны. Даже во взрослом возрасте он не мог избавиться от старых воспоминаний. «Я слабый, никчёмный. Мне нужно быть более зрелым, ответственным человеком, который может

жить самостоятельно», — думал он.

После секундного колебания Хэджу бросился за подростком.

□ □ □

Выносливость парня была на пределе. Казалось, его лёгкие разрывались. Он хотел рухнуть на землю, но полиция была уже близко.

Даже в тусклом свете он выглядел необычно. Можно ли было назвать его мальчиком? Он походил на старика на грани инфаркта, на ходячий труп. Его кожа была сухой, словно из неё выжали всю влагу, а впалые скулы отбрасывали зловещие тени на лицо.

Хэджу поражался, как в таком состоянии подросток вообще смог так далеко убежать. Шатаясь и теряя равновесие, парень сунул руку в карман пальто и вытащил серебристый нож. Дрожащими руками он направил походный нож на Хэджу.

— Н-не подходи! Я ввязался в это только из-за Юджина. Это не моя вина. Я ничего не сделал!

— Не бойся, мы просто поговорим. Я не сделаю тебе ничего плохого. Я всего лишь госслужащий. Моя задача — отвести тебя в участок и выслушать. Расскажешь всё про этого Юджина, — осторожно, держа дистанцию, начал уговаривать Хэджу.

— Ты устал, измотан, правда? Ничего страшного, все закончилось. Я помогу тебе. Мы поговорим, когда ты придёшь в себя. Я не думаю, что ты сам хотел связаться с наркотиками. Это опасно и страшно. Наверняка тебе было так тяжело, что ты не мог справиться без них. Я понимаю. Правда. У меня тоже нет родителей. В школе надо мной издевались, друзей не было. Ты знаешь, какими жестокими бывают дети. Я постоянно был в подавленном состоянии. Я правда понимаю. Если боишься, что семья узнает, я помогу объяснить. Это моя работа.

Парень почувствовал искренность в словах офицера. Ситуация казалась нелепой, и его воля к сопротивлению таяла. Хэджу ловко вывернул руку с ножом и выбил оружие. Подросток рухнул на землю, плача и тихо бормоча: «Мама, мама».

Хэджу наклонился, чтобы помочь ему подняться.

— Ты через многое прошёл. Наручники надевать не стану. Уже светает. Поехали в участок, отдохнёшь, а потом поговорим...

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://bllate.org/book/12873/1132788>